

Посвящается моей матери.

*«Всё поменялось местами, — мольберт голубой
стал серым забором, скрипач, который стал
извозчиком, Земля и небо, Верх и низ...
Время толкнулось от нас и улетело.
На лице своём вижу знак таинственный —
Знак рождения... Если одна половинка лица
улетит, что будет со мной?!»*

(Из японской прозы)

Кто-нибудь знает, как чувствует себя другой?! Каждый человек — главный герой своей жизни. У каждого своя история. Кулачное буйство с самим со-

бой... Моя история началась то ли с рыка, то ли со слоновьего шёпота, с познания естества боли и сущности смерти, прекрасной гармонии человека и Мира, и сквозных, ледяных остервенелых скитаний...

Март. Весна. Я рождаюсь со всем Миром. Моя первая, знойная, пьянящая весна цветущего невозмутимого Востока. Она живёт во мне всю мою жизнь... Её запахи преследуют меня. С каждой весной я рождаюсь вновь, — юной весной, хрупкой и чувственной, примеряя улыбку и не отдавая себе отчёта. В марте. На вечерней Заре. Я вновь рождаюсь со всем Миром... Безупречный турнир, таинственный мир детства. Я ещё не умею говорить, ходить, любить, протестовать. Но я умею чувствовать. Я могу видеть. Моё дыхание пронизано этим, полным древневарварских сокровищ, Миром.

Буддийский монах — мой первый нянь — улыбочивый человек, понимающий суть вещей. Его бритая бычья голова, как мыслящий цветок, всегда покрыта солнечными каплями пота. На толстом животе шелестит длинный шелковый халат. Я помню его запах. Я всю жизнь буду помнить его запах... Кисло-сладкий запах тибетского дворика с обручем благоухающих цветов. Он кормит меня сладким картофелем, пьёт чай из мандариновых листьев... и скоро уединится в храме для недолгой молитвы, с лёгкой виноватцей в добрых глазах.

Сказочные цветы, горы в сгустье прохладного тумана, невысокие храмы... и яркое, яркое солнце, и синее, нестерпимо синее бездонное небо, которое выпивает в себя твой взгляд. Скоро, очень скоро я всего этого уже не увижу. Но всегда буду помнить, как это пахнет... Запах — это память. Этот мир, бездвижен, справедлив и строг, — не сходи с моих уст, не сходи с моих строк!.. И есть во всей этой красоте такая боль!..

Здесь я умерла восьми месяцев от роду, — кома, клиническая смерть, больница, беспомощность отца и его звериный рёв сквозь нутро: «Дочка, не уходи!». И я вернулась, вдоль по вечной реке, обречённая собой. Маленькой ладошкой в тёплой руке отца.

Здесь Бог дал мне жизнь дважды. Здесь я познала силу любви. Отец... — мой король червей, родной, узнаваемый по биению сердца, по всегда кипельно-белой рубашке и голосу покоя. Скоро, очень скоро я потеряю отца, чтобы искать всю жизнь... Девочка, потерявшая отца, и так и не нашедшая его. Эта фраза, кажется, звучала в фильме Тонино Гуэрро...

Мне дали имя — Марина. Маме шепнуло солнце. В этом имени так много для меня. Набегающая волна, яркий упругий луч, упирающийся в море,

золотые блики на изумрудной воде... Удивительно — изумрудное... И ещё... морские жемчужины на дне, и бездна. Бездна...

Мне пять лет. Мама, коренная москвичка, умница и русская красавица с ранней сединой в волосах от пережитой в детстве войны, полюбившая раскосые карие глаза отца, его стать и ум до мурашек, ставшая его женой и любимой женщиной, блиставшая с ним на дипломатических приёмах, оформляет втайне от отца туристическую визу в Советский Союз и бежит со мной на руках в Россию, на родину, в Москву, по которой так скучает до кома в горле, до слёз, — бежит от отца, бежит от любви... и, как окажется, в никуда. Вот что не поддаётся объяснению. Вот так поступок одного человека меняет судьбу другого.

Мне пять лет. СССР. Москва. Пионеры, барабанные палочки... Кто-нибудь знает, как чувствует себя другой? Я слушала своих сверстников и понимала, что старше них на целую жизнь... Мне пять лет, и у меня уже есть своя тайна. Тайна, тяжёлым стукотом в сердце, изменяющая биение пульса и, посмеивающаяся пламенем в детской груди, пытающимся выжечь прошлое... Нечто, принадлежащее только мне. Нечто, что никто не должен был видеть. Слова опасны. «Не бей понапрасну языком о зубы!» — говорил мой тибетский нянь. Я стояла на краю обрыва и смотрела вниз... Мне казалось, я живу тысячу лет, как песок на дне моря, в глубоком сне.

Теперь я видела нечто другое, чем знала прежде... Я узнала своих родных и поняла рано, что во мне мечется, как огонёк в печи, любовь моих славянских предков к России. И я несу эту любовь, — нелепую, несуразную, усталую — и поныне, бесповоротно сквозь всю мою жизнь...

Зимняя морозная Москва. Мама лишена советского гражданства за выезд из России. У неё нет паспорта, прописки, нет работы. Мы живём вдвоём, тайно на недостроенной даче моей бабушки, где пронизывающий ветер рвётся в хиленькие окна дома без удобств, света, отопления, воды и газа, где всегда сквозняк и иней на стенах, днём слышится гнусавая речь Брежнева из радио, а по ночам выползают крысы с глазами удава.

Здесь я засыпала каждый вечер, на приставленных друг к другу табуретах, с чувством хронического голода, рассматривая ледяные узоры на цементных стенах, что — то шепча на языке отчаянья, иногда смотрела в окно, выходящее в застывший яблоневый бабушкин сад.

По ночам, в своих снах я видела отца, его огромную библиотеку, так много книг на разных языках, тома «Тысячи и одной ночи», которые отец перевёл

с персидского на русский, бережный шелест которых жил во мне, мою любимую «Книгу перемен» со старинными пастельными гравюрами, которые так часто рассматривала, сидя крошечкой-девочкой на полу... Что я понимала тогда?.. Но образы, поразительные откровенные образы, которые впечатляли, манили за собой в сокровенные тайны Мира... Они так рано открылись мне. Как сила, что колется между рёбер, которая меня спасла. Я уже знала, что такое сила молчания, и теперь она так была нужна мне.

Во сне отец говорил со мной, а я всегда протягивала ему свою ладошку с печеньем. Почему я хотела накормить его? Наверное, потому, что познала, что такое настоящий голод. Он улыбался мне своей белозубой улыбкой, мой красивый мудрый отец, король червей, брал печенье и кушал его... День, месяц, год, — и я не увижу его много, много лет...

Меня переполнял мир, неведомый моим московским сверстникам. О многом было лучше молчать. Слова опасны. В доме на подоконнике лежали две бабушкины потрёпанные книжки — «Валери» Лермонтова и «Горе от ума» Грибоедова. С них и началось моё познание великого языка и литературы. С ними мне не было одиноко. К шести годам я читала довольно свободно. Мне никогда не было скучно с собой.

Я полюбила всё, что таит образы. Я полюбила танцевать, рисовать, я полюбила одиночество, музыку и Лермонтова, постигшего и примирившего в себе добро и зло.

А ныне ветер дует неумело,
И облака, сверкая белизной,
Не уплывают вдаль...
И горная вода, сверкая белой пеной,
Мчась с крутизны, не ударяет оземь,
А шепчет мне Вселенскую печаль.
Покоя не могу найти во сне,
С тревожной думой не могу расстаться,
Но это ж нынче снится мне,
Что начали цветы повсюду осыпаться,
Но это ж нынче снится мне...¹

¹ Стихи автора, Марины Карю

Мне девять лет. Позади годы голода, скитаний, вереницы прошений, которым не было числа, и изматывающих хождений с мамой по посольствам, юрконсульствам, в прокуренных коридорах которых было так много людей, ищущих правды, — где, часами ожидая приёма, в изнеможении, я засыпала у мамы на коленях.

По воле случая, или Бога, нашим делом занялся опытный пожилой юрист, работавший в публицистическом отделе «Московского комсомольца». Его статья о маминой судьбе, нашей непростой истории жизни, оказалась бомбой и каким-то чудом повлияла на чиновников. Маме вернули советское гражданство, московскую прописку, восстановили в КБ.

Однажды, в те годы неизвестности перед будущим маме передали письмо от отца, будто мистическое послание из трепещущего эфира, в котором он писал, что ему часто снится дочь, которая всё время кормит его печеньем... Этот единственный полувыцветший и почти истлевший отцовский клочок бумаги хранится у меня и поныне, связывая нас какой-то незримою нитью, как желобок на лезвии, как сверлецо...

Балет. Моя первая настоящая страсть на всю жизнь... Глубокая, бесповоротная, неиссякаемая... Что может испытать исстрадавшаяся душа, поднимаясь над землёй в волшебных волнах классической музыки, небесных объятьях высочайшего искусства?! Выдохнуть разом глухоту, тошноту и мглу!.. Если музыка — язык ангелов, то балет — танец ангелов... Какая суть? Какая божья благодать?.. Отболела душа. Болела память.

Мне девять лет. Я стою на сцене в белой накрахмаленной балетной пачке. Лодыжки обвиты шёлковыми лентами розовых атласных пуантов. Тёмные волосы схвачены на затылке и украшены диадемой из белых лепестков. Я чувствую, я почти знаю, что прекрасна. Звучит музыка. Моя сольная партия. Отрываюсь от дощатого пола сцены, кружусь в фуэте...

Я вижу слёзы мамы и много людей. Их глаза!!! Глаза! Бог мой! Какую власть я имею над ними сейчас, в эти мгновения танца! Только бы не остановиться... Парить на этой высоте и чувствовать, как тебя целует Бог. Время — рухнувший храм. И молиться больше так не суметь. Всё то, что было мраком, спешило слиться с тяжёлым сгустком плывущей позади темноты...

Я впервые счастлива. В моей истории будет ещё так много... То, чего можно было бы избежать... Ни когда-нибудь. И то, что стало уже неизбежным.

Просыпаясь, чувствую наощупь тишину. У неё новый штрих-код. И улыбка со вкусом горького миндаля.